

никовъ, которые отнимаютъ у трудящихся произведенія ихъ работы, то причиной служить не наклонность разбойниковъ и воровъ къ дурнымъ поступкамъ, а неизмѣнные экономическіе законы; они могутъ измѣниться только путемъ медленной эволюціи. По ученію науки, воры или укрыватели могутъ и впредь спокойно пользоваться наворованнымъ или награбленнымъ. Такое ученіе и служить причиной затмѣнія, въ которомъ находятся добрые люди нашего общества: они искренно желаютъ блага животнымъ и въ то же время спокойно поѣдаютъ жизни своихъ собратій. А милліоны людей изъ народа, которые ищутъ просвѣщенія, поддаются обману: они забиваютъ себѣ голову ненужными знаніями и теряютъ уваженіе къ самому важному—ученію о нравственной жизни, которое, хотя и въ извращенномъ видѣ, почерпали изъ религіозныхъ вѣрованій. Какъ только люди изъ народа вступаютъ на этотъ путь, съ ними дѣлается то, чего хотятъ господствующіе классы: они совсѣмъ утрачиваютъ понятіе объ истинной наукѣ и становятся покорными орудіями сильныхъ міра для поддержанія въ рабствѣ своихъ собратій.

Все это станетъ понятно, говоритъ Толстой, когда вдумаетесь въ условія, при которыхъ возникали и развивались знанія, называемыя наукой. Если бы то, что признается наукой, было создано работой мысли всего человѣчества, то не могло бы быть вреда. Но разъ наука есть произведеніе людей, живущихъ праздною и развратною жизнью, то можетъ быть только ложной и вредной. Среди людей, связанныхъ общею жизнью, знанія будутъ иныя, нежели тѣ, которыя развились среди классовъ, живущихъ на счетъ труда другихъ. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы люди, живущіе однородной, внѣкастовой жизнью, занялись вопросами о происхожденіи организмовъ, о величинѣ и составѣ звѣздъ, о радіи, о дѣятельности Александра Македонскаго, объ излеченіи болѣзней, происходящихъ отъ излишествъ. Эти люди занимались бы истинною наукой и никогда не имѣли бы досуга для того, чтобы удѣлять время граммофонамъ, аэропланамъ, подводнымъ лодкамъ и взрывчатымъ веществамъ.

Не менѣе отрицательно относится Толстой и къ современному искусству ²⁶). Наше утонченное искусство выросло только на угнетеніи народныхъ массъ. Если бы рабы капитала стали свободны, то произведенія искусства не доходили бы до ихъ нынѣшней утонченности, ибо не нашлось бы публики, способной цѣнить ихъ. Разнымъ видамъ искусства обучаются сотни тысячъ